

ТОРСУЕВА Т. Г.

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПАРАМЕТРАМИ
ТЕКСТА

Проблема соотношения высказывания и текста предполагает постановку некоторых частных вопросов: 1) каковы основные параметры текста, детерминирующие высказывание, 2) какова степень детерминированности высказывания текстом как целым, 3) какова доля информации, которую данное высказывание несет о тексте. Прежде чем ответить на эти вопросы, следует остановиться на существенных свойствах текста. Наиболее важной характеристикой в данном случае является системный характер текста.

Трактовка текста как системы эксплицитно или имплицитно присутствует во многих работах. Еще в 1927 г. А. М. Пешковский писал: «Так как всякий художественный текст представляет собой систему определенным способом соотносящихся между собой фактов, то всякое смещение этих соотношений, всякое изменение какого-либо отдельного факта ощущается обычно чрезвычайно резко и помогает оценить и определить роль элемента, подвергшегося изменению» [1, с. 29]. Исследование рукописей А. С. Пушкина, проведенное С. М. Бонди, основано на представлении о тексте как о целом, где все взаимосвязано. Положение о системном характере текста использовано С. М. Бонди как метод анализа черновиков А. С. Пушкина. Он указывает, что при прочтении черновика следует «идти в работе не от частей к целому, а от целого к частям (и потом опять к целому); не из прочтения отдельных слов составлять целое стихотворение, отрывок, а, наоборот, пользоваться пониманием целого для прочтения отдельных слов» [2, с. 173]. Мысль о предшествовании целого его частям и детерминирующую роль целого отстаивал в своих работах М. М. Бахтин [3, с. 260]. Как систему трактует стихотворный текст Л. И. Тимофеев [4].

В лингвистике текста прослеживаются два подхода к анализу текста: от целого к частям и от частей к целому. Второй подход характерен для грамматики текста, где изучаются формы и средства связи элементов и объединение мелких единиц в более крупные. Поскольку система есть объединение частей в целое и само целое, то и тот и другой подход являются аспектами системного рассмотрения текста.

Системный подход, разрабатываемый на основе диалектического и исторического материализма, является одним из важнейших методологических направлений научного познания. Его гносеологические корни, по мнению В. П. Кузьмина, лежат в анализе «качественно определенных совокупностей, связанных необходимым образом» [5, с. 58]. Главная методологическая установка системного подхода — исследовать целое как целое. В то же время системный подход дает возможность «выделения предмета из фона». В. П. Кузьмин отмечает, что «...разрабатываемые системным подходом общеметодологические процедуры изучения законов образования целого, законов строения целого, законов функционирования целого, отношений явления (системы) с родовой системой, отношений явления (системы) с другими системами, взаимодействия явления (системы) с внешним миром и т. п. являются существенными звеньями любого процесса научного познания» [6, с. 25].

Знание о явлении действительности предполагает знание о детерминантах его существования. Применительно к соотношению высказывания и текста мы можем сформулировать положение о том, что знание о природе высказывания и его характеристиках является полным только

тогда, когда определены детерминанты его существования в целом — системе текста. В дальнейшем изложении мы будем исходить из следующего определения системы. Система есть целостное в структурном и функциональном отношении образование, внутренняя связь элементов которого является более необходимой и устойчивой, чем связь этих элементов с окружающей средой или элементами других систем. Основными системными принципами являются структурность, иерархичность, целостность, взаимосвязь системы и среды, функциональность, объективность. В работах по системному подходу указывается обычно и принцип множественности описания. Представляется, что в такой формулировке этот принцип относится не к самому объекту, а к его презентации. Свойство системы, которое стоит за этим термином, можно сформулировать как сложность и многоплановость объекта, которые раскрываются в множественности описания.

Текст является сложным объектом, который может быть подвергнут рассмотрению с различных сторон. Он является одновременно феноменом реальной действительности и способом ее отражения, а также реализацией системы языка. Вместе с тем текст представляет собой: основную единицу коммуникации, особый вид деятельности; способ хранения и передачи информации, форму существования культуры, продукт определенной исторической эпохи; отражение психической жизни индивида и т. д. Все эти стороны текста как объекта реальной действительности создают основу для множественности описания текста, отсюда — существование многочисленных определений текста [7—9].

Одним из основных системных параметров текста является и е р а р х и ч н о с т ь, которая может быть интерпретирована двояким образом: 1) существование в пределах самого текста нижестоящих уровней и 2) расположение текста в вышестоящем уровне — сверхтексте. Знания о вышестоящих и нижестоящих уровнях исследуемого явления «с неизбежностью входят в совокупное знание о нем самом» [5, с. 63]. В лингвистике членение текста представлено различными единицам и различными способами членения [7, 8, 10]. В пределах данной статьи мы ограничимся определением трех нижестоящих уровней текста и соответственно трех единиц — синтагмы, высказывания и коммуниката, отдавая себе отчет в том, что способ расчленения объекта обусловлен целями исследования. Наше определение синтагмы восходит к теории В. В. Виноградова. С и н т а г м а — минимальная семантико-синтаксическая единица текста, которая в отличие от словосочетания не представлена в готовом виде в языке, а образуется только в процессе порождения (или восприятия) текста для обозначения сложных понятий, возникающих в сознании и отражающих фрагмент воспроизводимой действительности. В ы с к а з ы в а н и е — единица текста, сформированная на основе структурной схемы предложения. Высказывание осуществляет событийную номинацию [11, с. 257]. К о м м у н и к а т¹ — часть текста, обладающая относительной смысловой завершенностью, некоторый информационно-тематический блок, иерархически организованный цепью высказываний и входящих в них синтагм. Как единица текста коммуникат имеет референт — фрагмент экстралингвистической ситуации во всей совокупности предметных, временных и пространственных отношений, составляющих ситуативный фон для отдельного высказывания. В отличие от коммуниката, синтагма и высказывание воспроизводят только часть предметных, временных и пространственных отношений ситуации. Три единицы, составляющие звенья иерархии текста, находятся в отношении включения. Естественно, что в частном случае высказывание может совпасть с синтагмой, а коммуникат — с высказыванием.

¹ Термин «коммуникат» заимствован нами у К. Гаузенбласа [12]. Для нас он предпочтительнее термина «сверхфразовое единство» (СФЕ). Употребление термина «коммуникат» подчеркивает прежде всего ориентацию на адресата, коммуникативную направленность текстовой единицы. При разбиении текста на коммуникаты исследователь исходит из текста как целого. Логично исходить либо из целого, либо из минимальной единицы. Фраза в нашей концепции минимальной единицей не является.

Текст как система основан на принципе структурности. Структурность является наиболее изученным параметром текста. Под структурностью понимается наличие связей между единицами текста, как одноуровневыми (высказывание — высказывание), так и разноуровневыми (коммуникат — высказывание). Существующие классификации связей весьма разнообразны; выделяются связи контактные и дистантные, анафорические и катафорические, смысловые, имплицативные, формальные, логические и т. д. На материале различных языков изучаются средства связи: повторы, артикли, соотношение глагольных времен, прономинализация, синтаксический параллелизм, акцентное выделение, вводные слова, частицы и т. п. [9, 10, 13—16]. Особым видом связи является распределение по тексту тематических и рематических компонентов [13, 17]. Отражением более глубокого понимания структурности является выделение в тексте категорий интеграции, сцепления, ретроспекции, проспекции, партитурности и континуума [18].

В системное рассмотрение текста входит выявление взаимозависимости текста как системы и среды. Эти вопросы получили свое фундаментальное освещение в трудах М. Б. Храпченко [19]. Под средой разумеется историческая эпоха написания текста, адресат, общность языка адресанта и адресата, существование определенных стилей, жанров и т. п. Адресат как компонент среды всегда присутствует в тексте. Г. В. Степанов считает необходимым построение модели адресата. По его мнению, создание адекватной модели адресата «могло бы многое прояснить в проблеме функционирования художественных ценностей» [20, с. 27]. Он пишет: «Построение модели адресата определенной эпохи невозможно без выяснения способов восприятия мира в эту эпоху, без учета семантического инвентаря культуры, без понимания относительной автономности художественного познания действительности» [20, с. 28].

К формам соотношения текста и среды принадлежат литературная критика, различные интерпретации смысла текста, особенности читательского восприятия в зависимости от социальных и индивидуальных факторов [21]. Очевидно, следует различать внетекстовые и межтекстовые связи. Текст детерминирован исторической эпохой его написания, характером и составом аудитории, внетекстовой целью воздействия. Результаты воздействия среды опосредованно отражены в тексте. Результаты воздействия текста на среду представляют интерес для лингвиста только тогда, когда они выражены в другом тексте. В этом случае образуется межтекстовая связь [22].

Формы межтекстовой связи весьма разнообразны. М. М. Бахтин полагал, что все тексты связаны между собой диалогическими отношениями. Он писал: «Каждое высказывание — это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [3, с. 247]. И далее: «Каждое высказывание полно отзвуков и отголосков других высказываний, с которыми оно связано общностью сферы речевого общения» [3, с. 271]. Уточним, что под высказыванием М. М. Бахтин понимал «единое и целое речевое произведение» [3, с. 294]. Перечисляемые им формы ответных реакций в высказывании — по существу не что иное, как способы связи текстов в сверхтексте. Наиболее распространенными формами межтекстовой связи являются цитаты, аллюзии, реминисценции, ссылки, парафразы, пародии. Сверхтекст может быть как произведением одного автора (цикл стихотворений), так и разных авторов (переписка). Фольклорные и эпические тексты также составляют сверхтекст. В качестве примера можно привести трактовку французского эпоса как сверхтекстового единства [23].

Идея сверхтекста разработана в лингвистике явно недостаточно. Представляется, что лингвистика текста в решении этой проблемы может заимствовать данные литературоведения. Идея сверхтекста в литературоведении разрабатывалась, в частности, применительно к циклам стихотворений. Д. Е. Максимов, анализируя стихотворение А. Блока «Двойник», входящее в цикл «Страшный мир», пишет: «Так, вполне автономное стихотворение, сохраняя свою индивидуальность, включается в „большую молекулу“ блоковского текста, срastaется со своим окружением, укрепляя

себя его содержанием и его энергией и увеличивая, таким образом, свою выразительность, свою ударную силу» [24, с. 222]. Следует отметить, что лингвистика нередко имплицитно использует идею сверхтекста для решения своих задач. Так, исследуя особенности лексики в стихотворениях Ф. И. Тютчева, А. Д. Григорьева исходит из концепции единства и целостности лирики позднего Тютчева [25]. Видимо, следует говорить о иерархии сверхтекстов. Ясно, что сверхтекст состоит как минимум из двух элементов. В качестве максимального сверхтекста для художественных текстов может являться мировая литература. Количество промежуточных уровней различно. Степень спаянности элементов каждого уровня также неодинакова. Сформулированное выше определение системы применимо не ко всем сверхтекстовым образованиям. Проблема определения сверхтекстового образования как системы требует отдельного рассмотрения. В рамках данной статьи мы остановимся лишь на соотношении текста как системы и его отдельного элемента — высказывания.

В основе организации текста как системы лежит принцип **ц е л о с т н о с т и**. Целостность — это «принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого; зависимость каждого элемента, свойства, отношения от его места, функций и т. д. внутри целого» [26, с. 464].

В лингвистике текста не существует единой трактовки понятия целостности. О. И. Москальская ставит знак равенства между понятием «целостность» и понятием «связность» [13, с. 17]. А. И. Новиков считает, что «целостность — это свойство не столько самого текста, сколько восприятия» [10, с. 109]. Наиболее близко определению целостности, приведенному выше, понимание И. Р. Гальпериным термина «интеграция» [18, с. 531; 7, с. 124—125]. В. П. Кузьмин подчеркивает: «Соответственно исходным, базовым признаком системы является интегральная целостность или интегральное единство...». При раскрытии понятия «целостность» наиболее важным является положение об активном воздействии системы на ее компоненты. Они могут приобретать новые свойства, терять свойства, присущие им до вхождения в целостную систему; одни сохраняемые качества могут затушевываться, другие, наоборот, проявляться ярче. Элементы системы характеризуются двойственностью их качественной определенности в рамках целого, качественной самостоятельностью и единством. Таким образом, «... целое является определенным **д е т е р м и н а н т о м** своих частей, оно подчиняет части, преобразует их согласно своей собственной природе» [27, с. 71].

При анализе явления или предмета мы должны исходить из существования нескольких уровней анализа: 1) рассмотрения составляющих предмета, 2) рассмотрения предмета как такового, 3) рассмотрения предмета в системе, 4) рассмотрения предмета в сверхсистеме. В каждом из этих уровней наличествуют свои детерминанты.

Изложенное дает основания для анализа высказывания как компонента текста. Как известно, позиция и функции элемента внутри целого определяют его зависимость от целого. Высказывание как часть коммуниката детерминировано коммуникатом и через него текстом. Высказывание может быть детерминировано непосредственно текстом. Таким образом, высказывание несет информацию о коммуникате и о тексте. Однако текст принципиально несводим к сумме его составляющих [28, с. 110]. Применительно к высказыванию это означает, что оно несет лишь некоторую долю информации, по которой удается судить об отдельных характеристиках коммуниката и текста как целого.

Проблема реконструкции целого по его части, экстраполяции свойств части на целое существенна для литературоведения, и не только для литературоведения. Поэтому важно определить **с т е п е н ь д е т е р м и н и р о в а н н о с т и** различных типов высказываний в тексте. Например, высказывание *Петр уехал* может встретиться в любом художественном тексте, газетном очерке, судебном протоколе, учебнике по грамматике и т. п. Такие высказывания обладают слабой степенью детерминированности по отношению к тексту. Включенность высказывания в коммуникат

повышает степень его детерминированности. Так, высказывание *Петр уехал* является логическим завершением следующего коммуниката: «Через полчаса дверь отворилась и Петр вышел. Важным наклоном головы отвечивал он на тройной поклон князя Лыкова, Татьяны Афанасьевны и Наташи, и прошел прямо в переднюю. Хозяин подал ему красный его тулуп, проводил его до саней и на крыльце еще благодарил за оказанную честь. Петр уехал». Только на уровне коммуниката можно сказать, что данное высказывание принадлежит тексту А. С. Пушкина.

Помимо степени детерминированности важны и формы детерминированности. В качестве примера приведем начальную строфу стихотворения Б. Ахмадулиной «Хэмингуэй»:

В стране, не забывающей Линкольна,
в селе, где ни двора и ни кола,
как женщина печальна колокольня,
По мне, по мне звонят колокола.

Включенность второго высказывания в коммуникат на поверхностном уровне может быть оправдана соотношением лексем *колокольня* — *колокола* и рифмой. Однако второе высказывание с точки зрения целого текста важнее первого и именно оно определяет форму первого, а не наоборот. Второе высказывание непосредственно детерминировано заголовком. Более того, оно обусловлено сверхтекстом, в который входит роман Э. Хэмингуэя.

Текст является сложной целостной системой, и поэтому в нем действуют не механические, а более глубокие и сложные факторы причинной зависимости. Каждое высказывание — это арена сложных взаимодействий причинных связей различного порядка. Есть высказывания, прямо детерминированные целым без посредничества ближайшего окружения высказывания. Приведем примеры из повести А. С. Пушкина «Пиковая дама»: «Три дня после того, Лизавете Ивановне молоденькая, быстроглазая мамзель принесла записочку из модной лавки»; «Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодейства»; «Подошедшие к ним три дамы с вопросами — *ou bli ou regret* — прервали разговор, который становился мучительно любопытен для Лизаветы Ивановны»; «Он взглянул на часы; было без четверти три»; «Три дня после роковой ночи, в девять часов утра, Германн отправился в монастырь, где должны были отпевать тело усопшей графини». Только в последнем высказывании употребление числа 3 оправдано реально существующим обрядом; в остальных случаях оно могло бы быть иным, если бы не выражало основную идею, связанную с образом Германна, — идею случая, риска, шанса, неустойчивости. Таким образом, высказывание, детерминированное непосредственно текстом как целым, а не своим ближайшим окружением, соотносится с авторским замыслом. Следовательно, в тексте наблюдаются высказывания, слабо, отдаленно связанные с целым; высказывания, опосредованно связанные с целым; и высказывания, прямо, непосредственно связанные с целым.

Высказывание в тексте детерминировано с точки зрения формы (интонация, лексико-грамматический состав, синтаксис) и с точки зрения смысла. Само собой разумеется, что форма и содержание составляют единое целое, но в методических целях вопросы детерминированности формы высказывания и его смысла можно рассматривать в отдельности. Подобное рассмотрение оправдано тем, что одинаковые по форме высказывания имеют разный смысл в разных текстах; более того, одинаковые по форме высказывания могут иметь разный смысл в пределах одного текста. В стихотворении Л. Арагона «*Les mains d'Elsa*» высказывание *Donne-moi tes mains* повторяется несколько раз, при этом жест, который оно описывает, различен.

Donne-moi tes mains pour l'inquiétude
Donne-moi tes mains dont j'ai tant rêvé
Dont j'ai tant rêvé dans ma solitude
Donne-moi tes mains, maint que je sois sauvé
Lorsque je les prends à mon pauvre piège...

Donne-moi tes mains que mon coeur s'y forme
S'y taise le monde au moins un moment
Donne-moi tes mains que mon âme y dorme
Que mon âme y dorme éternellement.

В последней строфе ладони любимой представляются в форме сердца, форме колыбели, пространства, огражденного от мира. Этот смысл подчеркнут глаголом *se former*, входящим в состав того же коммуниката. Иное значение имеет высказывание *Donne-moi tes mains* в начале стихотворения. Поэт берет руки любимой в свои, что подчеркивается глаголом *prendre*, стоящим в соседнем коммуникате. Здесь уместно вспомнить М. М. Бахтина, который писал: «В пределах одного и того же высказывания предложение может повториться..., но каждый раз это новая часть высказывания, ибо изменилось его место и его функция в целом высказывании» [3, с. 287].

Детерминированность высказывания с точки зрения формы изучена достаточно хорошо. В лингвистике текста эта проблема формулируется как зависимость предложения от контекста. Эта зависимость проявляется в различных аспектах, из которых основными являются рема-тематическое развертывание [29, 30] и оформление предложения в зависимости от предшествующего предложения или нескольких предшествующих предложений [31—33, 14]. Обычно в качестве контекста берется СФЕ [8, 13]. Таким образом прослеживается структурная детерминированность высказывания более крупной единицей текста. Описание формальной стороны высказывания (наличие повторов, форма артикля, порядок слов, выбор местоимений и пр.) свидетельствуют о том, что в том месте текста, где оно находится, высказывание может иметь данную форму. Из описания формальных средств связи высказываний и их организации в коммуникат можно также сделать вывод о допустимости вариантов в лексико-грамматической структуре высказывания. Контекстуальная зависимость высказывания во французском тексте, по мнению В. Г. Гака, значительно сильнее, чем в русском [33, с. 14]. Следовательно, в русском тексте имеются более широкие возможности вариативности лексико-грамматической стороны высказывания. Детерминированность высказывания в рамках более крупной единицы может быть рассмотрена с точки зрения той функции, которую оно выполняет в пределах этой единицы. Так, О. И. Москальская выделяет в абзаце ключевую фразу и комментирующую часть. Ключевая фраза определяется как «выражающая главную мысль абзаца» [13, с. 85].

Итак, грамматическая форма высказывания зависит от ближайшего окружения, т. е. выявляется в плане отношений «высказывание — высказывание», «коммуникат — высказывание». Обычно рамок коммуниката бывает достаточно, чтобы определить, почему употреблено то или иное время глагола, тот или иной артикль, порядок слов и т. п. Это относится и к лексико-семантическим повторам. Однако и текст в целом детерминирует форму высказывания не только через его включенность в коммуникат, но и непосредственно. Эта детерминированность части целым может быть представлена с двух сторон. С одной стороны, речь может идти об анализе в целом тексте функций высказывания, отличных от его функций в коммуникате. С другой стороны, анализируется детерминированность высказывания системными параметрами текста, в частности связью системы и среды.

Рассмотрим два типа высказываний: ключевые и суггестирующие. Под суггестирующими высказываниями мы понимаем такие высказывания, которые как бы исподволь подводят к определенному факту, впечатлению, событию. Примерами суггестирующих высказываний в первой главе романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» являются: «Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера»; «Он остановил взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце...».

Эпитеты *страшный* и *навсегда уходящее* не оправданы ни предшествующим текстом, ни ближайшим окружением. Они поддерживают и усиливают сему страха, которая прямо выражена в двух других высказываниях,

где употребление слов *страх, ужас* оправдано в рамках коммуниката. Ср.: «Кроме того, Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки»; «Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза». Последние высказывания прямо подготавливают читателя к сцене смерти Берлиоза, тогда как суггестирующие лишь настраивают определенным образом, ненавязчиво сопутствуют основной теме. Они связаны непосредственно с текстом как целым и далеко расположенными высказываниями, рассеянными не только в данной главе, но и по всему роману.

Ключевые высказывания трактуются в специальной литературе довольно широко и разнообразно. Они определяются как выражающие главную мысль [13] или как «наиболее важные, существенные для понимания» [10, с. 147]. А. И. Новиков считает, что ключевые элементы связаны с «предметами» в последующем пространии текста, причем эти связи не сводятся к межфразовым. Можно предположить, что чем сильнее формальная детерминированность высказывания его ближайшим окружением, тем менее его смысл связан с текстом как с целым. И наоборот: чем независимее от ближайшего окружения кажется высказывание, тем сильнее его смысл детерминирован общей концепцией текста.

Обратимся к тексту «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова: «...идея зла не может войти в голову человека без того, чтоб он не захотел приложить ее к действительности: идеи — создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует; от этого гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума, точно так же, как человек с могучим телосложением, при сидячей жизни и скромном поведении, умирает от апоплексического удара».

В этом фрагменте преобладают потенциально автономные высказывания, которые легко вычлениваются из текста и приобретают статус самостоятельного текста. С точки зрения формы они слабо связаны с предшествующими, а иногда и с последующими высказываниями. Однако их изъятие из текста нарушило бы его смысловую структуру, лишило бы текст основной идеи или обеднило бы ее.

Ключевые высказывания не обязательно имеют форму обобщающих предложений. В вышеприведенной строфе из стихотворения Б. Ахмадулиной «Хэмингуэй» ключевым высказыванием является *По мне, по мне звонят колокола*, что подтверждается его слабой формальной связью с предшествующими строчками.

Ключевыми высказываниями можно считать те, изменение которых повлечет изменение системы. Совокупность таких высказываний в крупном тексте представляет собой одну из форм его структурной организации, где ключевые высказывания отдельных отрывков соотносятся между собой, образуя определенную иерархию по степени смысловой важности. В драматических произведениях, где текст каждого персонажа является своеобразной подсистемой, можно выделить ключевое высказывание, передающее идею данного персонажа. Так, в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина в сцене объяснения Самозванца с Мариной идея Самозванца передана тремя коррелирующими высказываниями:

- 1) С таким трудом устроенное счастье
Я, может быть, навеки погубил;
- 2) Теперь иду — погибель иль венец
Мою главу в России ожидает...;
- 3) Она меня чуть-чуть не погубила.

Эти высказывания связаны с исторической концепцией А. С. Пушкина и ориентированы на читателя, знающего историю России. Идея обреченности Самозванца проходит по всему тексту. Но полностью идея предчувствия гибели, идея опасности развернута в сцене у фонтана.

Итак, отдельное высказывание связано с целым текстом отношения причинности. Отношения между высказываниями, даже расположенными рядом, могут не иметь непосредственно причинного характера. Связь может быть выражена отношениями симметрии; ср.: «Elle dort, mais

de chair et d'os. Elle deviendrait songe et douleur» (R. Fallet, Paris au mois d'août). Отношения симметрии подчеркивают зависимость симметричных высказываний от текста как целого. В данном случае это противопоставление материального, чувственного и идеального. Функции отдельного высказывания являются производными от функций системы (речь идет как о типических функциях текста как такового, так и о конкретных функциях данного конкретного текста).

Анализ детерминированности высказывания параметрами текста, в частности, связью системы и среды включает в себя целый ряд моментов. Все факторы, детерминирующие текст условиями внешней среды, усложняют детерминированность высказывания в системе. Первым детерминирующим фактором является язык, на котором написан текст. Это кажется самоочевидным и не требующим разъяснения, однако теория и практика перевода показывает противоположное. Отдельное высказывание, входящее в текст, как правило, реализуется на том же языке, что и текст в целом, кроме случаев иноязычного вкрапления. Формирование отдельного высказывания не может быть соотнесено непосредственно с системой языка, языковая компетенция проявляется только через текст. Детерминированность высказывания системой языка проявляется в следующих моментах: способ отражения языком реальной действительности, правила сочетаемости имен и предикатов, форма синтагмы, способ соединения синтагм в высказывании, способ соединения высказываний, способ рематематического развертывания в рамках коммуниката. Отнесенность текста к определенному стилю и жанру, сочетание различных стилей в тексте определяют форму высказывания.

Текст есть продукт определенной исторической эпохи, и высказывание как часть целого испытывает на себе и это воздействие. Приведем в качестве примера рекламу 1913 г.: «Правление Торг. Дома Обюссон имеет честь известить о получении большого транспорта восточных ковров собственных покупок в Персии, Турции, Малой Азии и французских из Обюссон. Громкий выбор мебельных материй, драпировок, гардин и т. п. Последние новости Парижа и Лондона» (Аполлон, 1913, № 7). Смысл высказывания *Последние новости Парижа и Лондона* читателю 1913 г. был понятен без комментариев, в то время как для современного читателя он становится ясным только из всего рекламного текста.

М. М. Бахтин писал о том, что целостность текста определяется тремя моментами: темой, замыслом и жанром [3, с. 225] и что жанр целого определяет части [3, с. 260]. Произведение В. М. Шукшина «До третьих петухов» имеет подзаголовок «Сказа про Ивана-дурака, как он ходил за тридцать земель набираться ума-разума». В этом произведении присутствуют традиционные сказочные персонажи, литературные персонажи (например, бедная Лиза) и современные герои (например, библиотекаря). Многие страницы диалогов и описаний не дают возможности отнести этот текст к жанру сказки. Например: «Были тут еще какие-то молодые люди, парни и девушки. Им тоже было скучно. Лежали в купальных костюмах среди фикусов под кварцевыми лампами — загорали. И всем было страшно скучно». Однако жанр, обозначенный в подзаголовке, должен быть оправдан не только наличием сказочных персонажей. И Шукшин органически вводит в ткань текста высказывания, которые могли бы встретиться в любой русской сказке и узнаваемы читателем как принадлежащие сказке: «И пошел он куда глаза глядят», «И пришел Иван к избушке Бабы-Яги». Чем более отработан жанр, тем легче определяется принадлежность высказывания данному классу текстов, тем больше информации оно несет о тексте. В жанре сказки отдельное высказывание имеет формальные характеристики, которые свидетельствуют как о сильной зависимости от целого, так и о большой доле информации, сообщаемой им о тексте. Такими формальными характеристиками являются особая ритмика, инверсия, начало высказывания с союза *и* и т. д. [34]. Однако в тексте В. М. Шукшина описана вполне современная ситуация, что определяет многие высказывания. В частности, в диалоги вводится просторечная лексика: «— Да нет, — говорила библиотекаря, — я думаю, это шпено. Он же

козел... Пойдем лучше потопчемся». Таким образом, чем больше степень детерминированности высказывания, тем большую долю информации оно несет о тексте как о целостной системе.

Форма и смысл высказывания детерминированы одновременно целым комплексом факторов: соотношением с другими высказываниями, соотношением с текстом как с целым, соотношением с совокупностью текстов данного адресанта, соотношением с текстами других адресантов как данной эпохи, так и других эпох. Как в сверхтексте, так и в каждом из текстов находит свое выражение внутренняя индивидуальная модель мира автора. Через текст как целое внутренняя индивидуальная модель мира детерминирует отдельное высказывание. Наиболее ярко это прослеживается в поэтических текстах: отдельное высказывание оказывается детерминированным поэтической картиной мира данной эпохи. Естественно, что поэтическая картина мира отличается от картины мира в науке. В науке картина мира представляет собой целостную систему, определяемую структурой материального мира и соотношением присущих ему объективных законов [35]. Иногда картина мира отождествляется с системой знаний [40]. Поэтическая картина мира — это совокупность общих черт, свойственных внутренним индивидуальным моделям мира, отраженным в текстах разных поэтов. Поэтическая картина мира передается в тексте при помощи системы образов, типических мотивов, ключевых лексем. При общности поэтической картины мира внутренние индивидуальные модели мира авторов различны. Поэтическая картина мира — это сочетание объективного и субъективного в представлении о мире. В рассмотрении картины мира лингвистика смыкается с литературоведением, но именно лингвистика дает аппарат и методику вычленения картины мира [36].

Характер отражения картины мира в рамках отдельного высказывания подтверждает идею о том, что текст «не состоит» из высказываний, а «образован» на их основе. Нам кажется уместным провести параллель между анализом текста и квантовой физикой. М. А. Марков пишет: «Хотелось бы обратить внимание еще на одну специфическую черту современного атомизма. Оказывается, что утверждение о том, что „что-то“ состоит из „чего-то“, в ряде случаев потеряло свой первоначальный непосредственный смысл, вернее, нуждается в серьезном уточнении» [37, с.80]. М. А. Марков пишет также о том, что в известном смысле можно утверждать, что «все» состоит из «всего», т. е. каждая элементарная частица из всех элементарных частиц [37, с. 140]. Также и в тексте все связано со всем. Это бесконечное число разнообразных связей ведет к раскрытию богатства свойств единичного объекта.

Высказывание приобретает в тексте двойственность качественной определенности. Оно обладает характеристикой детерминированности целым и свойством вариативности. Высказывание несет информацию о тексте, в который оно входит. Степень детерминированности выражается в количестве информации, которую единичное высказывание несет о тексте как о целом. Наблюдаются высказывания сильно детерминированные и слабо детерминированные. Степень детерминированности высказывания может быть различной с точки зрения формы и с точки зрения смысла.

Изучение детерминированности высказывания представляется необходимым, т. к. воссоздание целого по части является необходимым условием научного познания. С позиций анализа детерминированности высказывания можно приблизиться к решению проблемы вариативности высказывания в тексте и тем самым к проблеме текстовых вариантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. — В кн.: *Ars poetica*, I, М., 1927.
2. Бонди С. М. Черновики А. С. Пушкина. М., 1971.
3. Балтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
4. Тимофеев Л. И. Слово в стихе. М., 1982.
5. Кузьмин В. П. Место системного подхода в современном научном познании и марксистской методологии. — ВФ, 1980, № 1.
6. Кузьмин В. П. Гносеологические проблемы системного знания. М., 1983.

7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
8. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.
9. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.
10. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
11. Как В. Г. К типологии лингвистических номинаций.— В кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
12. Гаузенблас К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования.— ВЯ, 1967, № 5.
13. Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981.
14. Николаева Т. М. Контекстуально-конситуативная обусловленность высказывания и его семантическая цельность.— В кн.: Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982.
15. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1977.
16. Maingueneau D. Initiation aux methodes de l'analyse du discours. Paris, 1976.
17. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
18. Гальперин И. Р. Грамматические категории текста.— ИАН СЛЯ, 1977, № 6.
19. Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек. М., 1976.
20. Степанов Г. В. К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат).— В кн.: Контекст. 1983. М., 1984.
21. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
22. Полович А. Проблемы художественного перевода. М., 1980.
23. Волкова Э. Н. Истоки французского литературного языка. М., 1983.
24. Максимов Д. Е. А. Блок. «Двойник».— В кн.: Поэтический строй русской лирики. Л., 1973.
25. Григорьева А. Д. Слово в поэзии Тютчева. М., 1980.
26. БСЭ. 3-е изд., 1976, т. 23.
27. Афанасьев В. Г. О целостных системах.— ВФ, 1980, № 6.
28. Сариев Г. Дж. К проблеме целостности и уровней в системном подходе.— ВФ, 1980, № 5.
29. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
30. Corblin F. Sur le rapport phrase — texte. Un exemple: l'emphase.— Le français moderne, 1979, № 1.
31. Как В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965.
32. Как В. Г. О семантической организации повествовательного текста.— Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 103. М., 1976.
33. Как В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи.— ИЯШ, 1982, № 5.
34. Борковский В. И. Синтаксис сказок. М., 1981.
35. Волкова Э. Н. Семантика, картина мира и контекст.— Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 205. М., 1983.
36. Гуревич Е. А. Древнескандинавская поэтическая синонимика: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1984.
37. Марков М. А. О природе материи. М., 1976.